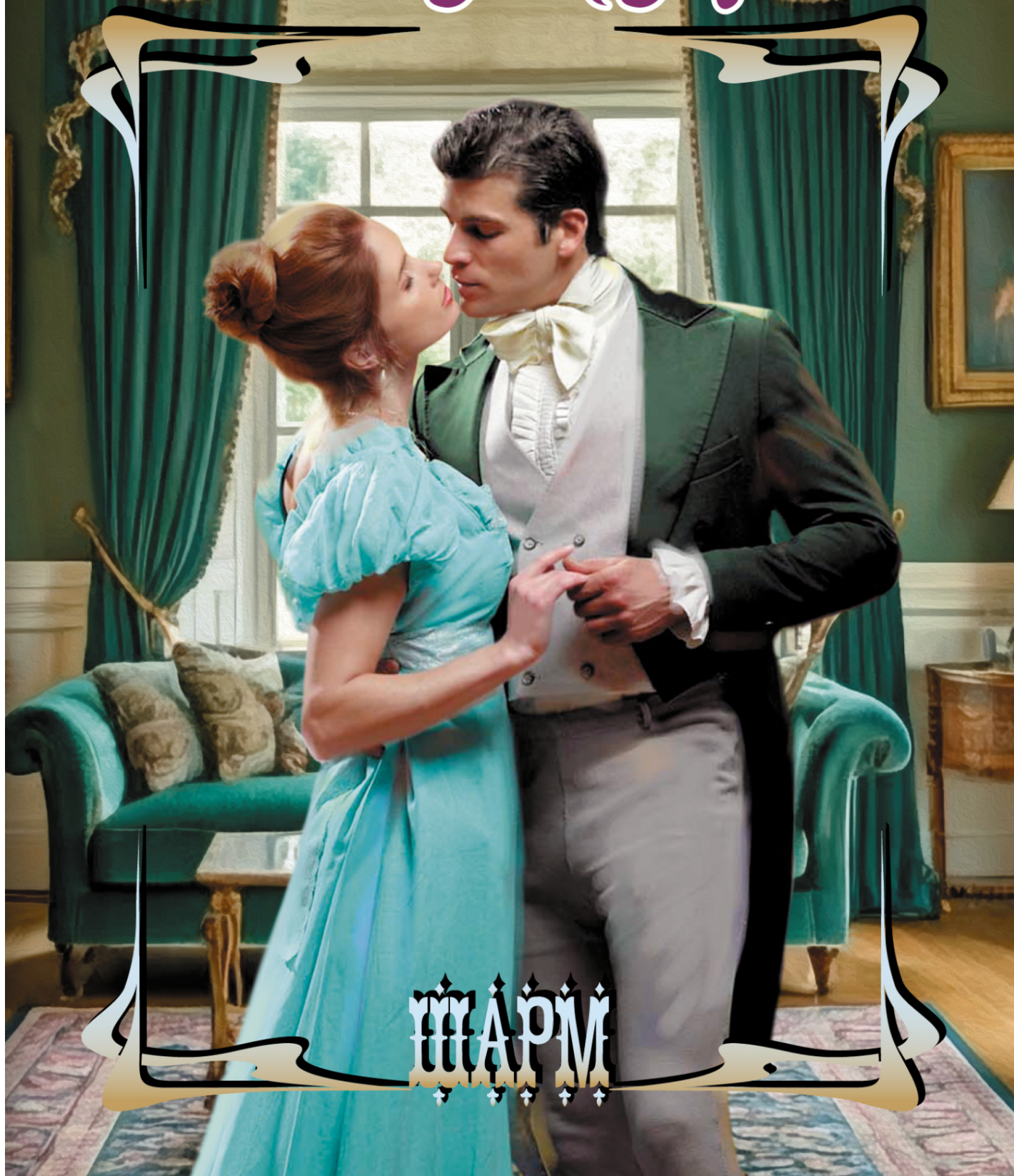

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН

Лишь в твоих
объятиях

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Кэролайн Линден

Лишь в твоих объятиях

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Линден К.

Лишь в твоих объятиях / К. Линден — «Издательство АСТ»,
2011 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-173144-1

Когда-то Александр Хейз был блестящим офицером, героем, человеком чести, а теперь, ни в чем не повинный, ославлен предателем. Чтобы восстановить свое доброе имя, он вынужден стать тайным агентом короля. Семья считает Александра давно погибшим. Бывшие друзья отвернулись. И единственная, кто может помочь ему выполнить опасное задание, – Крессида Тернер, которая не доверяет предателю, но вынуждена с ним сотрудничать. Однако очень скоро Крессида влюбляется в Алека, и эта любовь может подарить им счастье – или стоить жизни...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-173144-1

© Линден К., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кэролайн Линден

Лишь в твоих объятиях

© P.F. Belsley, 2014

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2025

* * *

Пролог

Июль 1820 года

Ни для кого не секрет, что в Лондоне можно найти любой порок, только надо знать, где искать. Мрачные трущобы Сент-Джайлса – как раз то самое место.

Жестокий поединок между двумя уличными борцами в грязном подвале трактира уже начался. Симпатии публики были явно на стороне широкоплечего коротышки ирландца, коренного обитателя Сент-Джайлса, известного своей нечестной борьбой. Но здесь это только приветствовалось. Его противника, устрашающего вида африканца, темного и огромного, толпа освистывала. Весь подвал был забит подозрительными личностями, которые, заплатив за вход фартинг, жаждали возместить расход, заключая пари.

Стены подвала пропитались отвратительным смрадным духом, представляющим собой смесь застоявшегося табачного дыма, пролитого пива и высохшего пота. К утру к этому амбре мог добавиться еще резкий запах свежeproлитой крови.

Один из зрителей с нездоровым, бледным, одутловатым лицом, не настолько высокий, чтобы наблюдать за борьбой поверх голов столпившихся вокруг людей, настойчиво пробивался вперед. Время от времени он вставал на цыпочки, пытаясь увидеть борцов, затем продолжил поиски места, дающего хороший обзор. В конце концов он устроился у стены напротив ведущей наверх лестницы.

– Пять фунтов на Мура, – сказал он стоящему рядом высокому парню в поношенной одежде ломового извозчика.

Высокий вынул из зубов сигару и пустил колечко дыма.

– Большинство ставят на ирландца.

Вновь прибывший, мистер Фиппс, с ним не согласился:

– Эти ирландцы идиоты. Посмотрите на Мура – сплошные мышцы, длинные руки и такая ярость! Он способен побить дюжину ирландцев.

В этот момент, в подтверждение его слов, африканец стремительно атаковал и нанес несколько быстрых ударов противнику в живот. Ирландец зашатался. Казалось, что он вот-вот упадет на колени. Фиппс торжествующе поднял вверх руку со сжатым кулаком.

Его собеседник пожал плечами:

– Возможно, это так, но люди хотят, чтобы победил ирландец. Слишком велики будут убытки, если победит другой.

– Вы совсем не разбираетесь в этих делах, мистер Брэндон? – раздраженно произнес мистер Фиппс.

– Не разбираюсь.

Тем временем ирландец нанес сильный удар в челюсть противника, и африканец упал, корчась от боли. Толпа взревела, и даже бесцветный Фиппс тоже возопил. Брэндон не шелохнулся, его глаза по-прежнему беспокойно выискивали кого-то среди зрителей.

– Вы единственный, кого я знаю, кто не получает удовольствие от такого задания, – понизив голос, заметил Фиппс. – Другим досталась работенка куда хуже, чем глазеть на хорошую драку.

Брэндон в ответ только издал короткий смешок. Фиппс покачал головой и вздохнул, неохотно отворачиваясь от борцов.

– Но где же Пирс?

– Вон он. – Брэндон движением головы указал на лысого человечка, стоявшего в толпе на другой стороне подвального помещения. – Он только что встретился с ними и забрал пакет. Заплатил монетой.

– А Блэквуды?

– У ринга, ближе к углу. – Брэндон бросил окурков и раздавил его каблуком. – Они много поставили на ирландца.

Фиппс кивнул:

– Хорошая работа.

Он приподнял кепку и вытер лоб – сигнал сразу же был принят его людьми в разных местах зала. Они с привычной сноровкой приблизились к трем уже названным мужчинам. Блэквудам и мистеру Пирсу предстояло провести ночь в Ньюгейте, хотя никто из них еще не догадывался об этом. Как и многих других, братьев Блэквуд сгубили азартные игры, но в отличие от обычных грешников они проматывали деньги банка, в котором оба служили. Организатором хищений скорее всего был Саймон Пирс, один из совладельцев банка. Его партнер, сэр Томас Бротон, хотел устранить Пирса, не предавая дело огласке, потому что это грозило бы ему разорением. За помощью он обратился к Джону Стаффорду, возглавляющему суд магистратов на Боу-стрит и являющемуся тайным агентом министерства внутренних дел. Стаффорд отправил Брэндона узнать, каким образом Блэквуды передавали украденные ценные бумаги Пирсу.

Брэндон отошел от стены. Его работа была закончена.

– Остальное предоставляю вам.

Опустив голову, он стал пробираться к выходу из подвала.

– Минуточку. – Фиппс сунул ему в руку сложенную бумажку. – Мои соболезнования, – пробормотал он.

Брэндон машинально зажал бумажку в кулаке и спрятал ее в карман. Что это? Он оглянулся на Фиппса, но тот уже скрылся в толпе, колыхавшейся вокруг ринга. Вдруг на противоположной стороне ринга началась потасовка. Она быстро разрасталась – все больше мужчин отворачивались от африканца и слабеющего ирландца и охотно присоединялись к дерущимся.

Его не интересовала драка. Ему вменялось в обязанность не спускать глаз с Блэквудов и Пирса, пока не подоспеет Фиппс, чтобы арестовать их. Его специальностью было наблюдение. Сейчас Фиппс и его люди должны были оттеснить проворовавшихся клерков и банкира туда, где их уже ждали, и никто из обезумевшей толпы не заметит случившегося, потому что всем уже будет не до этого.

Рев толпы, прерываемый ударами кнута, становился все громче. С помощью кнута организаторы боев тщетно пытались навести порядок. Брэндон пробился к шаткой лестнице, быстро, перепрыгивая через две ступеньки, преодолел ее и вышел в неопрятный трактир. Хозяин бросил на него подозрительный взгляд. Бой без правил, происходящие в его подвале, ни для кого не были секретом, но были незаконными. Губы Брэндона чуть скривились в улыбке – знал бы хозяин, что несколько сыщиков с Боу-стрит сейчас орудуют прямо здесь, в подвале. Вместо того чтобы уйти и тем самым подтвердить подозрения трактирщика, Брэндон перегнулся через стойку и поманил его.

– Когда этот африканец будет драться снова? Он сегодня существенно облегчил мой кошелек.

Лицо трактирщика уже стало не таким напряженным.

– В следующий четверг.

Брэндон что-то буркнул и бросил на прилавок несколько монет:

– Мне покрепче.

Он взял кружку с элем и отнес ее на маленький столик. В комнате было полно мужчин, они поднимались сюда, чтобы выпить, а затем опять возвращались в подвал, надеясь увидеть продолжение боя или следующий бой. Никто не обращал на него никакого внимания. Мало

ли какой извозчик пропивает свой недельный заработок, прежде чем поплестись домой. Он надвинул на лоб кепку и притянул к себе угасающую свечу, прежде чем развернуть записку, которую передал ему Фиппс. Наверное, Стаффорд, не теряя времени, посылал его следить за кем-то, едва он успел закончить предыдущую работу.

Но в записке было не только это... Скамья царапнула по полу, когда он резко вскочил и поднес записку ближе к глазам. Бросив взгляд в сторону ступеней, ведущих в подвал, он быстро скомкал бумажку, сунул ее в карман и направился к дверям, оставив почти нетронутым эль. Он широко зашагал по узким, петляющим улочкам Сент-Джайлса, перепрыгивая через сточные канавы и игнорируя призывные взгляды и назойливость проституток. По мере его продвижения на север здания становились больше и чище, неприкрытая бедность трущоб уступала место претензиям на социальный престиж. Здесь близко друг к другу располагались большие кирпичные дома, ступеньки были чисто подметены, перила покрашены, в темных окнах отражались уличные газовые фонари. В этих местах, конечно, тоже промышляли воры, но они держались в тени.

Пройдя еще несколько улиц, Брэндон свернул в переулок и прошел к заднему крыльцу дома с длинной верандой. Дверь на ночь была надежно заперта, и он не пытался открыть ее. Вместо этого он уперся в нее рукой, взобрался на невысокие перила крыльца и дотянулся до края окна. Из ножен, висевших на ремне, он достал нож и просунул лезвие под раму поднимающегося окна. Он поработал лезвием, сумел немного приподнять раму и просунул пальцы в образовавшуюся щель.

Один сильный толчок – и рама скользнула вверх. Ухватившись обеими руками за подоконник, он втянул себя внутрь дома. Коснувшись ногами пола, он насторожился, но было тихо – он уже научился проделывать этот трюк почти неслышно. Ни один звук не выдал его присутствия в доме, хотя это не имело особого значения и просто тешило его самолюбие. Хозяин оставлял окно открытым именно для того, чтобы Брэндон мог проникать в дом незаметно для слуг. Оглядевшись, он закрыл окно и отправился на поиски хозяина.

Полоска света под дверью кабинета свидетельствовала о том, что сэр Джеймс Питербери еще не спал. Брэндон помедлил, прислушался, потом мягко повернул ручку двери и вошел в комнату.

– Черт! Что такое? – с тревогой воскликнул хозяин дома, вскочил, но, разглядев вошедшего, узнал и тут же успокоился. – Вы здорово испугали меня, дружище!

– Прошу прощения, – сказал Алек Брэндон.

Он вынул из кармана записку, которую передал ему Фиппс, и выразительно поднял руку с ней.

– Вы знали?

Джеймс посмотрел на записку, потом на Алека.

– Вы имеете в виду смерть вашего брата? – Джеймс, надо отдать ему должное, всегда соображал быстро. – Да, знал. Я хотел, чтобы вам сразу же сообщили, но они отказались, сославшись на то, что у вас очень важное задание.

Алек сел в кресло и опустил голову.

– Брат умер несколько месяцев назад, и мне никто не сказал. – Он ничего бы не смог изменить, но они обязаны были сообщить. Он провел рукой по векам, чувствуя, как ком подступил к горлу. – К черту все. Мне должны были сказать.

Джеймс сел в другое кресло, ближе к камину, и обратился к Алеку:

– Мать писала, что это была затяжная болезнь, начавшаяся еще зимой. Никто не думал, что это так серьезно, но ему становилось все хуже и хуже. Вы же знаете, Фредерик никогда не отличался крепким здоровьем.

Питербери давно уже не жил по соседству с семейством Алека, но их матери продолжали дружить и часто писали друг другу.

Алек кивнул, пряча свои чувства. В последнее время ему было не до старшего брата, но Джеймс был прав. Фредерик действительно не был таким физически крепким, как Алек, зато он всегда был мудрее, на него можно было положиться, и, что всего важнее, он всегда был на месте. Алек никогда не думал о том, что с Фредериком может что-то случиться.

– А что остальное семейство?

– Ваши матушка и сестра в полном здравии, так же как вдова Фредерика и его дети. – Джеймс откашлялся. – Насколько я понял, сейчас управляет поместьем ваш кузен. Похоже, что он считает себя наследником.

Алек знал, о чем думает Джеймс. Что кузен не может быть истинным наследником, если Алек жив. Но об этом знают лишь несколько человек. Для остального мира Александр Брэндон Хейз – предатель, погибший в битве при Ватерлоо, и его тело гниет в неизвестной могиле. Он поклялся, что не вернется домой, пока не докажет свою невиновность, но до сего момента ни ему, ни Джеймсу этого сделать не удалось. Пять лет Джеймс делал все, что было в его силах, чтобы установить, каким образом после Ватерлоо в вещах Брэндона оказались письма французского полковника, уличающие Алека в измене. Но поскольку все считали Алека умершим, а он сам не хотел оказаться в положении обвиняемого в предательстве, Джеймсу приходилось действовать с величайшей осторожностью, но успеха он так и не добился. Алек стал тайным агентом, надеясь, что служба при министерстве внутренних дел облегчит его положение, но вот теперь ему, покрытому позором, придется вернуться домой – туда, где он не может прикрыться чужим именем.

Но раз Фредерика больше нет в живых, значит, автоматически главой семьи становится Алек. Джеймс стал бы утверждать, что это его обязанность и она перевешивает все остальное. Возможно, так и есть, наверное, он должен позаботиться о матери и сестре, о вдове брата и его детях.

– Я возвращаюсь в Марстон, – пробормотал Алек.

Лицо его друга засияло от удовлетворения.

– Я знал, что вы решитесь. Время пришло, а я обдумываю вашу ситуацию. Теперь Веллингтон стал главой картографической службы, в своем новом качестве он гораздо больше занят политикой, чем былыми сражениями. Если мы добьемся встречи с ним и ваш новый начальник замолвит за вас слово...

– Веллингтон, который заявил, что он сам застрелил бы меня, если бы добрые французы не сделали этого? – Алек покачал головой. – Я не могу идти к Веллингтону без доказательств моей невиновности.

Джеймс замолчал. Они оба знали, что крайне трудно будет раздобыть доказательства невиновности Алека в ближайшее время.

– Все равно это правильно, – продолжил Джеймс. – Я имею в виду возвращение домой.

Алек вздохнул, затем протянул смятую записку, полученную от Фиппса.

– У меня нет выбора.

Его друг взял записку и прочитал ее. Стаффорд посылал Брэндона в Марстон не столько из чувства сострадания в связи со смертью Фредерика, сколько для того, чтобы он отыскал пропавшего человека. Сержант Джордж Тернер отправился в Лондон, чтобы встретиться с полковником лордом Хейстингсом, заместителем начальника военно-торговой службы, да так и не вернулся в Марстон. Он отсутствовал уже почти четыре месяца, и его дочери обратились к Хейстингсу, который, в свою очередь, попросил Стаффорда разобраться в этом деле. Еще одно поручение для агента, специализирующегося на слежке, – самое заурядное. Только короткая приписка в самом низу: «С прискорбием сообщая вам о смерти Фредерика Хейза минувшей весной» – свидетельствовала о том, что Стаффорд понимал, куда он отправляет Алека. Это тот самый город, где его сразу узнают, будут презирать и всячески оскорблять.

– Он жесткий человек, – прокомментировал Джеймс. – Кто этот сержант Тернер, которого вы должны найти?

– Представления не имею.

Как обычно, Стаффорд почти не давал ему никакой информации. Он часто вынуждал Алека действовать практически вслепую, рассчитывая на то, что тот сам быстро сориентируется на месте. А после того как Алек сообщал ему о том, как обстоят дела, Стаффорд уже мог эффективнее использовать других агентов. Алек привык к этому. Почти то же самое было и в армии. Он помогал провести разведку пути для передвижения войска Веллингтона через Испанию и Португалию. Неужели, думал Алек, он не заслужил, чтобы его хотя бы выслушали?

– Хотел бы я знать, что сделал этот Тернер, – рассуждал Джеймс. – Хейстингс гордец. Не понимаю, зачем ему нужно было встречаться с простым сержантом.

Он тоже задумывался над этим, но Стаффорд был не прочь оказывать услуги влиятельным лицам, и Хейстингс был из их числа. Алека больше интересовало, почему Стаффорд выбрал именно его для выполнения этого задания. Нечего было и думать, чтобы представиться старым знакомым, разыскивающим армейского друга, или служащим Челсийского инвалидного дома, в Марстоне, где его все знают в лицо. Ему придется возвращаться только под своим именем, а это многократно все усложнит.

– Не важно, что он совершил и кто он такой на самом деле. По какой-то причине Хейстингс хочет его найти, и для Стаффорда этого достаточно. Я бы вообще не стал размышлять над этим, если бы пропавший Тернер был не из Марстона. – Алек забрал записку. – Стаффорд мог бы по крайней мере объяснить хоть это.

– Вы... хотите отказаться? Я считаю, что вам нужно поехать в Марстон, но, возможно, не так...

Алек пожал плечами. Джеймс считал, что ему не следует возвращаться домой в качестве агента Стаффорда, и вполне обоснованно.

– А какой у меня выбор? Кто еще может дать мне шанс?

– Вдруг это означает, что он что-то узнал? – Его друг выпрямился в кресле. – Похоже, старый хрен держит это при себе, чтобы выжать из вас как можно больше. Но он знает ваше положение и обещал сделать все, чтобы восстановить ваше доброе имя. Это, – Джеймс указал пальцем на записку, – должно означать, что пришло время вам возвращаться домой. Так он считает. Он никогда бы не пожертвовал одним из своих лучших агентов без веской причины.

Алек промолчал. Джон Стаффорд и Фиппс действительно знали, кто он, когда брали его на работу в качестве тайного агента, и действительно обещали сделать все, что в их силах, чтобы помочь ему. Но то, что его отправляли домой при существующем положении вещей, вряд ли могло пойти ему на пользу. У него мелькнула мысль: может быть, Стаффорд пришел к убеждению, что он виновен? Но тут же напомнил себе: Стаффорд жесткий человек, в этом случае он не стал бы иметь с ним дело. Если бы Стаффорд считал его предателем, он сейчас был бы уже мертв, а не получал новое задание. Могло ли у Стаффорда появиться доказательство того, что он не был в тайном сговоре с французами? Должен же он иметь возможность оградить Алека от ареста на тот случай, если его узнают. Знал ли он на самом деле нечто такое, о чем догадывались другие?

Вряд ли.

– Не могли бы вы написать моей матери? – спросил Алек. – И сообщить ей... – Он заколебался. Было бы несправедливо просить Джеймса объяснять его поступки. – Чтобы она ждала меня?

– Разумеется.

Сердце Алека тревожно сжалось. Сможет ли он? Что могут подумать о нем в семье – сначала о его исчезновении, потом о возвращении. Как они жили все это время без него? Он

так долго мечтал о возвращении домой. Но он хотел вернуться свободным человеком, а не тайным агентом.

– Я завтра же отправлю письмо, – пообещал Джеймс. И окинул Алека невеселым взглядом. – Что-нибудь еще? Попросите, не стесняйтесь.

Будто он мало для него уже сделал. Джеймс поверил ему, когда он сказал, что не совершал предательства, помог выбраться из Бельгии под носом у английской армии, снабдил его одеждой и деньгами на то время, пока он залечивал раны, полученные при Ватерлоо, а потом нашел ему не вполне респектабельное место тайного агента. Алек вдруг ощутил бремя верности этой дружбе. Если он не сможет доказать свою невиновность, это очень плохо скажется на Джеймсе.

Но Джеймс – все, что у него осталось. Алек часто думал о том, что другой его друг детства, Уилл Лейси, тоже не отвернулся бы от него, но, к сожалению, он погиб под Ватерлоо. Без Джеймса Алек был бы уже мертв, в этом не было никаких сомнений.

– Я отправлюсь в конце недели, – сказал он, поднимаясь и протягивая руку. – Спасибо за все.

Джеймс пожал ему руку.

– Обещайте мне одну вещь.

Алек вопросительно поднял брови.

– Когда вы найдете подонка, который писал те письма французам, сообщите мне. Я хочу увидеть, как его вздернут.

– В этом можете не сомневаться, – пообещал он.

Его друг не улыбнулся.

– Не хотите погостить у меня до отъезда? У вас измученный вид.

– Неудивительно, – криво улыбнулся Алек. – Разве не так должны выглядеть восставшие из мертвых?

Глава 1

Пенфорд, казалось, мало изменился. Трехэтажное здание из белого камня, величественного вида, но уютное, крыша с крутыми скатами, с которой однажды, когда выпало особенно много снега, он съехал на санках. Парк вокруг дома выглядел неухоженным, будто бы садовник пренебрегал своими обязанностями, но на самом деле так было задумано. Его мать хотела, чтобы все было похоже на природный ландшафт и выглядело естественно. Детям это тоже нравилось, они часами носились по рощам, в то время как взрослые думали, что они заняты учебой.

Пенфорд остался таким, каким он его помнил, будто он только вчера покинул отчий дом. Алек заерзал в седле, устыдившись того, что подсознательно ожидал увидеть признаки упадка. Но как оказалось, все было как всегда, по крайней мере на расстоянии. Так что дом, похоже, по-прежнему оставался надежным пристанищем для остальных членов его семьи, и это его немного утешало.

Он надеялся, что его появление никак не скажется на надежности этого дома.

Алек взялся за поводья и медленно поехал вперед. У него была целая неделя, чтобы подготовиться к этому важному дню. Он мечтал об этом пять лет. Особой радости не было. Он пустил лошадь шагом и попытался справиться с внезапным волнением и желанием вернуться назад, на постоянный двор, где он провел предыдущую ночь, или даже обратно в Лондон. Он послал письмо, известив о своем приезде, и Питербери тоже написал его матери. Даже если бы у него не было задания от Стаффорда, Алеку все равно ничего не оставалось бы, кроме как ехать к дому.

Когда он подъехал ближе, из дома кто-то вышел. Этот человек прикрыл ладонью глаза и какое-то время наблюдал за Алеком, потом спустился на дорожку, посыпанную гравием, и пошел навстречу. Полы его плаща развевались от быстрой ходьбы. Когда они поравнялись, Алек остановил лошадь и заглянул в пытливые, настроженные глаза своего кузена Джона.

Какое-то время они молча разглядывали друг друга. Джон стал выше и крепче, его светлые волосы были коротко пострижены, лицо от длительного пребывания на солнце приобрело красноватый оттенок. Одет он был как все живущие в деревне сквайры и производил впечатление трудолюбивого землевладельца. «У него честное лицо», – подумал Алек, хотя в данный момент оно выражало только откровенное удивление.

– Алек? Александр Хейз? – медленно, с трудом выговорил Джон. – Это в самом деле вы? Отрицать было бессмысленно и отступать некуда. Он спрыгнул с седла.

– Рад видеть вас, Джон.

Светло-зеленые глаза Джона скользили по нему вверх-вниз.

– Боже мой, – тихо произнес он. – Вы, это действительно вы.

Рука Алека сжала поводья.

– Да.

– Боже мой, – снова пробормотал Джон.

Пауза затянулась. Алек кашлянул.

– Моя мать знает?..

Кузен покачнулся, он все еще пребывал в совершенно ошеломленном состоянии.

– Да. Несколько дней назад мы получили письмо от Джеймса Питербери, а на следующий день и ваше. Это было потрясение, счастье, большая радость. Ваша мать ждет не дожидается момента встречи с вами. Вам надо немедленно пойти к ней. – Он протянул руку Алеку, и когда тот пожал ее, притянул его и неловко обнял. – Добро пожаловать домой, кузен, – сказал он приглушенным голосом.

Чуть помедлив, Алек ответил на объятие, потом отступил, собрал в руку поводья. И они направились к дому.

Встреча оказалась куда сердечнее, чем он ожидал. Он не видел Джона больше десяти лет, и они никогда не были друзьями.

– Я вижу, вы хорошо управлялись здесь, – заметил Алек, не зная, что сказать, в то время как Джон с любопытством поглядывал на него, как на какую-нибудь диковину из циркового балагана. Алек понимал, что теперь должен привыкать к такому вниманию.

Какое-то время они шли молча. Затем Джон грустно улыбнулся.

– Фредди пригласил меня на Рождество и вскоре заболел... – Он поджал губы и уставился себе под ноги. – Мне очень жаль.

Алек кивнул. Фредди, сказал Джон. Джон явно был в более близких отношениях с его братом, чем сам Алек, если не считать последних лет.

– Спасибо вам, – пробормотал он. – Я рад, что он был не один и ему не пришлось тратить силы на ведение дел.

– Да, на это он совсем не тратил сил, – торопливо подтвердил кузен. И ногой отбросил с дорожки камень, покотившийся по аккуратно подстриженной лужайке. – Я с удовольствием передам вам все бухгалтерские книги, как только они вам понадобятся. Я веду их точно так же, как это делал ваш отец. Фредди никогда ничего не менял, и я... Ну, я считал, что он вскоре выздоровеет и будет недоволен, если я что-нибудь изменю в ведении бухгалтерии.

Но Фредерик никогда никого не ругал, они оба знали это. Он только мог нахмуриться и поджать губы, а потом спокойно переделать все так, как считал нужным. Алеку стало больно от того, что он больше никогда не увидит брата.

– Я уверен, что все дела в полном порядке.

– Я старался и делал все так, как это было заведено вашим отцом...

Но тут Алек прервал его:

– Ведь вы думали, что со временем все станет вашим...

– Нет-нет. – Джон выставил руку и попытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутой. – Я, конечно, думал об этом, не стану отрицать. Но меня гораздо больше радует тот факт, что вы живы. Ваша мать очень тяжело пережила потерю Фредерика.

Алек взглянул в сторону дома и увидел идущую ему навстречу мать, опирающуюся на руку его сестры Джулии. Рядом шла невестка Марианна, которая держала за руку одного ребенка, в то время как другой цеплялся за ее черную юбку. Внезапно он почувствовал, что задыхается. Возникло ощущение, что он окружен. Ему безумно захотелось вскочить на лошадь и умчаться прочь. Он боялся увидеть их лица.

Фредерик умер. А Алек просто исчез, заставив их думать, что он мертв, потому что это было ему на руку. Так что для них он «умер от ран на поле боя близ Ватерлоо».

– Идите. – Джон кивнул в сторону родственников. – Они жаждут видеть вас.

По мере того как они приближались, у Алека была возможность обратить внимание на некоторые детали. Детишки Марианны явно стеснялись его и прятали свои личики. Марианна, даже в одеянии вдовы, выглядела куда более красивой и милой, чем раньше. Взглянув на него, она чуть не заплакала. Ее пальцы, сжимавшие руку ребенка, даже побелели. Джулия смотрела на него почти враждебно, ее глаза блестели, подбородок был воинственно вздернут. Она казалась выше и тоньше, чем раньше. Но его мать...

– Мама, – мягко сказал он, останавливаясь перед ней на расстоянии вытянутой руки, – мне тебя так не хватало.

Она протянула руку, чтобы коснуться его рукава. Она стала как-то меньше, ссутулилась, появилось много морщин. Она потрясенно смотрела на него своими синими глазами – такими же, какие он видел каждое утро в своем зеркале. Странно, как он мог забыть, что у него мамыны глаза.

– Александр, – прошептала она. – Ты вернулся. – Она выпустила Джулию и, сделав два шажка навстречу ему, практически повисла, обессиленная, на его протянутых руках. Когда она вцепилась в ткань его куртки, ее руки дрожали. – Ах, Александр, – произнесла она снова, и из ее глаз полились слезы. – Мой сын.

Когда мать прижалась щекой к его груди и зарыдала, Алека охватило отчаянье. Ему стало безумно стыдно. Не имело значения, что он не был виновен в предательстве, ведь в его семье не могли этого знать. И если они верили в него, значит, поверили бы в любом случае без всяких доказательств. Негодование, унижение и даже страх – все эти чувства разом нахлынули на него и окончательно выбили из колеи.

– Мама, – произнес он шепотом. – Прости. Мне так жаль.

Она подняла голову, чтобы взглянуть на него.

– Никогда, – сквозь слезы сказала она, – слышишь, никогда не извиняйся. Как бы мне ни было горько, радость твоего возвращения пересиливает все. Я думала, что потеряла обоих сыновей, но теперь один из них вернулся. Мне все равно, как и почему, главное, что ты жив, здоров и наконец дома.

– Что вы должны были подумать, – начал он, но она остановила его, коснувшись его щеки.

– Не сейчас, – мягко сказала она. – Сегодня у нас праздник.

От ее слов ему стало еще хуже. Если бы она спросила, действительно ли он продавал секреты французам... Где был последние пять лет и что делал?.. Если бы она попыталась выяснить, почему он за все это время не дал ей знать, что жив... Она была вправе задавать ему любые вопросы, и то, что она ни о чем не спросила, а просто обняла его, как делала это всегда, когда он был ребенком, разрывало ему сердце. Лучше бы он оставался тайным агентом, одиноким и свободным от обязательств, не претендующим на какие бы то ни было добродетели. Он осторожно обнял мать, она прильнула к нему и уже не сдерживала слез.

– Ох, я так растерялась, и вообще в последнее время стала слезливой, – сказала она, поднимая голову и прикладывая к глазам платочек. – Сегодня счастливый для меня день. – Она чуть отступила назад, и Алек увидел, что она сделала легкое движение рукой, подзывая Джулию.

Его сестра, похоже, не разделяла радости матери.

– Алек, – сказала она, быстро присев в неловком реверансе.

– Я рад снова видеть тебя, Джулия, – сказал он.

Она поджала губы и ничего не ответила.

– И тебя, Марианна.

Услышав свое имя, Марианна вздрогнула. Ребенок у нее на руках крепче обхватил ее шею и начал хныкать.

– Добро пожаловать домой, Алек, – спокойно проговорила она. – Мы так обрадовались, когда узнали о твоем возвращении.

– Спасибо, – пробормотал он.

Взгляды, обращенные на него, были полны неприкрытого любопытства. По коже пробежали мурашки – такое пристальное внимание после многих лет забвения не на шутку взволновало его.

– Ну, – оживилась мать, – может быть, пойдем в дом? Ты, должно быть, невероятно устал и хочешь отдохнуть. – Взяв его за руку, она потянула его в дом.

Проходя через высокую дверь с арочным проемом в главный холл, он не мог не смотреть по сторонам. Казалось, что он отсутствовал только месяц. Внутри, как и снаружи, дом остался таким, каким он его помнил. У входа их ждали дворецкий и экономка, а по легкому шуршанию шагов можно было догадаться, что остальные слуги тоже где-то рядом и только ждут момента, чтобы хоть мельком глянуть на того, кто восстал из мертвых. Алек старался справиться с мрачным настроением, но происходящее все больше угнетало его.

– Фарли, займитесь багажом майора Хейза, – обратилась к дворецкому мать. – Миссис Смайт, распорядитесь, чтобы в гостиную подали чай и еще... – она взглянула на Алека, – бутылку портвейна и немного бренди.

Слуги поклонились и ушли.

– Подойди, дорогой, – обратилась она к Алеку. – Не хочешь посидеть со мной?

Переход в гостиную был похож на похоронную процессию. Марианна отослала детей с няней наверх и присоединилась ко всем. Мысль о том, что он присутствует на собственных похоронах, не оставляла его и вызывала все большее раздражение. Он пребывал в таком состоянии, что уже готов был громко заявить о своих чувствах, чтобы увидеть, какой будет реакция. Только его мать, казалось, ничего не замечала и сияющими глазами смотрела на него, сидевшего рядом с ней.

Никто не знал, что сказать. Молчание становилось все более тягостным. Все сидели, не смея заглянуть друг другу в глаза. Наконец Алек заставил себя говорить:

– Я только недавно узнал о смерти Фредерика. Если бы я знал...

– Тогда что? – тихо спросила Джулия.

Может быть, если бы они стали кричать друг на друга, то чувство обиды, которое, вероятно, испытывал каждый, быстро прошло, как это бывает с болью, когда бинт с гноящейся раны удаляют рывком. Алек повернулся к сестре:

– Что ты хочешь знать, Джулия?

Она вскинула голову, принимая вызов.

– Полагаю, то, что хотят знать все. Где ты был пять лет и почему, черт возьми, не прислал маме ни одной весточки, чтобы она хоть знала, что ты жив.

– Джулия! – одернула ее мать.

Джулия поджала губы.

– Я только отвечаю на его вопрос, мама. Разве ты не говорила, что мы должны вести себя так, будто ничего не случилось?

Антая Хейз вспыхнула.

– Не сегодня, Джулия, – сказала она строгим тоном.

– Нет-нет, – возразил Алек, видя, как багровеет лицо его сестры. – Пусть она говорит. Мы с Джулией никогда ничего не скрывали друг от друга.

Руки Джулии, лежащие на коленях, сжались в кулаки.

– Разве? – резко ответила она. – Однако последние пять лет ты даже не потрудился сообщить мне, что ты жив.

Его сестра кипела от злости, но, как ни странно, Алеку стало немного легче. Это было лучше, чем ловить на себе удивленные подозрительные взгляды.

– Я не стал бы называть это сокрытием, неуважением или пренебрежением...

– Ой ли? – Она фыркнула. – Тогда, может быть, это намеренное введение в заблуждение.

– Джулия, – мягко произнесла Марианна.

Его сестра открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала.

– Извини, мама. У меня разболелась голова, я пойду к себе. – Она бросила гневный взгляд на Алека и выскочила из комнаты.

Хлопнула дверь. Алек стиснул зубы. Он заметил, что Марианна встревоженно взглянула на Джона, который ответил ей едва заметным кивком головы.

– Жаль, – сказала его мать, дотронувшись до руки Алека. – Джулия... Ну, это следствие шока...

– Мама, я понимаю. – Алек покачал головой. – Я и не ждал, что она будет прыгать от радости.

– Джулия всегда очень любила тебя. Для нее это была трудная неделя. После Ватерлоо, когда стало известно... она была в полном смятении. Со временем все встанет на свои места.

«Со временем». Мысль о том, что ему еще предстоит, вызывала головную боль. Если такова реакция его родственников, то что же будет при встречах с соседями и старыми друзьями? С тем же успехом он мог вернуться с клеймом предателя на лбу.

– Уверен, тебе было не легче.

– О нет! – Лицо матери светилось. – Когда Питербери-младший написал нам, что ты жив и здоров, я была счастлива и не могла поверить, а на следующий день уже пришло письмо от тебя. Это была самая длинная неделя в моей жизни. Твой отец... – ее голос дрогнул, – как бы он обрадовался. – В ее глазах заблестели слезы.

– Прошу меня извинить, – пробормотал, поднимаясь, Джон. – Мне надо узнать, как идут дела... – Он умолк и кашлянул, явно испытывая неловкость.

– А мне пора к детям, – поднялась Марианна. – Вам, должно быть, хочется побыть вдвоем.

После их ухода воцарилось молчание. Алек повернулся к матери.

– Я знаю, мама, у всех есть ко мне вопросы. Не нужно говорить Джулии, что ей следует вести себя так, словно ничего не случилось.

– Джулии следовало бы придержать язык.

Алек удивленно хмыкнул. Сестра была самой открытой и искренней из всех Хейзов. Она была любимицей отца, и ей всегда все прощалось.

Мать помолчала. Потом снова дотронулась до обшлага его куртки, провела по нему рукой, словно хотела просто увериться в реальности происходящего.

– Не обращай внимания. Джулия успокоится. Теперь, когда ты дома, все пойдет по-прежнему.

Для этого нет никаких оснований, подумал Алек. Его мать принимает желаемое за действительное, гоня от себя неизбежные вопросы и объяснения.

Как же ему хотелось опровергнуть обвинение в предательстве. Но он оказался дома, не имея никаких доказательств своей невиновности, поэтому подозрения будут только усиливаться. Кто поверит, что человек ни в чем не виноват, если он отсутствовал пять лет и за это время ни строчки не написал своей семье? Благодаря Стаффорду его не арестуют, но едва ли это оправдает его в глазах обитателей Марстона, которые, безусловно, считают его виновным.

Но было бы жестоко говорить с матерью об этом сейчас. Пусть она хоть немного порадуется его возвращению. Размышляя обо всем этом, он накрыл ее руку своей.

– Я надеюсь на это, мама.

Глава 2

Рано утром следующего дня Алек, на ходу застегивая пуговицы, поспешил в комнату, куда подавали завтрак. Предшествующее задание Стаффорда он выполнял, прикинувшись лакеем, так что ему приходилось вставать до рассвета, чтобы затопить камин и как можно раньше приступить к выполнению своих обязанностей. С тех пор он привык рано вставать, тем более что такой распорядок дня мало отличался от того, к чему он привык в армии. Но даже если бы у него не было такой привычки, Алек все равно встал бы рано и был бы уже на ногах и полностью одетым, потому что ему хотелось как можно скорее покинуть дом.

Мать отвела ему отцовскую спальню. До недавнего времени она была спальней Фредерика, но в воспоминаниях Алека она была связана только с отцом. Он помнил, как именно здесь отец распекал его в детстве. А потом, когда отец заболел и уже не вставал с постели, они торжественно прощались в этой спальне перед тем, как Алек отправился в ту последнюю фатальную кампанию в Бельгию. Алек не хотел оставаться в этой спальне, он просил поселить в его прежней комнате, но после каких-то недомолвок мать наконец призналась, что теперь в ней обитает Джон. После Ватерлоо все вещи Алека были убраны на чердак. Кроме того, мать сама настояла на том, чтобы он, как глава семьи, занял апартаменты хозяина. У Алека было такое чувство, что на его шее затягивают петлю, но, чтобы не нарушать мир и спокойствие, он только кивнул и согласился.

Утром Алек проснулся с мыслью о том, что он сойдет с ума, если немедленно не выберется из этой комнаты – из этого дома вообще. Он хотел поскорее выпить чашку кофе, освободив себя и других от болезненной необходимости завтракать вместе. Может быть, длительная прогулка верхом по окрестностям восстановит его связь с этим местом и немного успокоит его.

Он толкнул дверь и замер. Напротив, спиной к нему с чашкой в руках, стояла Джулия и смотрела в окно. Услышав звук открывающейся двери, она обернулась, улыбаясь, но улыбка исчезла, как только она увидела его.

– Доброе утро, – произнес он.

Она сделала глоток и отвернулась к окну.

– Доброе утро.

Буфет радовал глаз разными блюдами, хотя, судя по розовеющему на востоке небу, было еще совсем рано.

– Ты всегда на ногах в такую рань? – Он не мог вспомнить, какие привычки были у Джулии до его отъезда.

– Да, – буркнула она.

– Вот как, – сказал Алек.

Ему стало ясно, что она не намерена разговаривать с ним.

– Возможно, я изменилась. Прошли годы, как ты знаешь.

В ее тоне он уловил холод. Он понимал, что должно пройти немало времени, прежде чем они привыкнут друг к другу. Но сейчас это его задело.

– Я хорошо знаю, Джулия, сколько лет прошло.

Она фыркнула.

Алек налил себе кофе.

– Я не считаю, что ничего не изменилось. И готов тебя выслушать. Говори, что думаешь.

– Что я могу сказать блудному сыну, наконец вернувшемуся в отчий дом? Нашему воскресшему Лазарю? После того, как мама оплакала его, даже не имея возможности узнать, где его могила? Что любопытного я могу сообщить тебе, если последние пять лет тебя совсем не интересовали наши чувства и наша боль? – Ее язвительный тон задевал его гораздо больше, чем что-либо другое.

Он сделал глоток. Горячий и крепкий, этот кофе был лучший, из того что ему доводилось пить в последнее время. Раньше он не задумываясь отплатил бы Джулии ее же монетой. Детьми они были одинаково вспыльчивыми. Став взрослым, он научился контролировать себя. Тайному агенту просто необходимо уметь скрывать свои мысли и чувства.

– Конечно. Прости, что я проявил интерес.

– Я уверена, это быстро пройдет.

– Джулия, мне еще раз извиниться?

– За что? – Она повернулась к нему и широко раскрыла глаза, изобразив крайнюю степень удивления.

– Я вернулся домой не за тем, чтобы пререкаться с тобой, – выпалил он помимо своей воли. – Что ты от меня хочешь?

– Ничего, совсем ничего!

– Понимаю.

– Неужели? – Она покачала головой. – Когда мы считали тебя умершим, было намного легче. – Алек замер. Лицо Джулии сделалось мертвенно-бледным, но она вздернула подбородок и с вызовом смотрела на него. Она не отрекалась от своих слов. Родная сестра, девочка, которая когда-то обожала, поддразнивала его и писала ему в Испанию слезные письма, хотела, чтобы он был мертв.

Алек осторожно поставил чашку и вышел из комнаты.

Он был потрясен. У него было такое чувство, будто его преследовали демоны зла. Он взял длинноногую и спокойную лошадь Фредерика, которая просто летела по холмам и лугам Пенфорда. Когда Алек наконец остановился высоко на холме, лошадь была в мыле и так же, как он, тяжело дышала.

Он легко соскочил с лошади. Последние годы ему нечасто доводилось ездить верхом, но он не утратил сноровку и уверенно держался в седле.

Когда он взобрался на последний холм, его память услужливо подбросила ему воспоминание о другом подъеме на холм, когда вокруг свистели французские пули, а земля сотрясалась от разрывов артиллерийских снарядов. В руке у него была сабля, вокруг шла кровавая битва, и он представить себе не мог, что будет дальше. Каким же он был глупцом.

Алек намотал поводья на руку и пошел рядом с лошадью, давая остыть после скачки. Он теперь редко вспоминал то время, когда служил в армии. Та жизнь никак не была связана с его настоящим. Обернувшись, он окинул взглядом зеленеющие земли Пенфорда, его наследство, дом. Этот вид не вызвал в его душе никакого отклика. Точно так же он мог осматривать любой другой живописный участок земли в Англии, Бельгии или далекой Америке. Слишком долго он был никем – ни офицером, ни джентльменом, ни самим собой, то есть Александром Хейзом, а только Алеком Брэнденом, тайным агентом, живущим под чужим именем. Сейчас ему трудно было понять, кто же он на самом деле.

Лошадь сопротивлялась, тянула шею к траве. Алек отвлекся от мыслей о прошлом и вернулся к действительности. Нужно выполнить задание Стаффорда – сейчас это дело представлялось ему более привлекательным по сравнению с тем, что ждало его в Пенфорде. Потрепав лошадь по холке, он направился к жилищу Тернера.

Сержант Тернер арендовал Бригхэмптон, скромное поместье в нескольких милях от Пенфорда. В действительности это была скорее ферма, чем поместье, однако Алек заметил, что поля, по которым он двигался, выбрав короткий путь, в стороне от главной дороги, выглядели запущенными. Не заметил он, чтобы на них кто-нибудь работал, – это знак беды. Кто станет арендовать ферму, такую как Бригхэмптон, и не заниматься землей? Когда он подъехал ближе к дому, то обратил внимание и на другие признаки упадка – от переросших кустов вдоль аллеи до криво висящих ставен.

Дом был расположен у небольшой рощицы, типичный сельский дом. Позади дома располагались приземистая конюшня и несколько других хозяйственных построек, а также большой, совсем не ухоженный огород. По другую сторону рощицы тянулся большой луг с пасущимися на нем овцами. Судя по всему, до какого-то времени дела у сержанта шли очень хорошо. Может быть, он и не намеревался заниматься землей. Алек отметил еще несколько деталей, помогающих составить представление об исчезнувшем человеке и обстоятельствах его исчезновения, прежде чем выслушать его родственников.

Так, его внимание привлекло довольно странное зрелище. Из конюшни, крадучись, вышел мужчина. По тому, как он все время озирался, было ясно, что он скрывается. Это был очень крупный, ширококостный мужчина, с длинными руками, которые он держал прижатыми к телу. Кепка была низко надвинута на лоб. Его лица Алек не видел. Когда мужчина скользнул за угол конюшни, Алек на лошади последовал за ним. Это мог быть слуга, увиливающий от своих обязанностей... Но интуиция подсказывала, что это не слуга, не похоже. Лучше проверить, чем упустить что-то важное.

К тому времени как Алек завернул за угол, этот человек исчез среди деревьев. Алек поехал было следом, но деревья росли довольно плотно, и он напрасно вглядывался в лесную чащу. В ветвях деревьев пели птицы, кролик шмыгнул под упавший ствол, но подозрительного человека нигде не было видно. Алек повернул лошадь обратно к конюшне, гадая, что там мог делать скрывавшийся.

Конюшня была непритязательной. В стойлах обнаружили две лошади, жующие сено, остальная часть конюшни пустовала и, похоже, никак не использовалась. Алек медленно и осторожно прошелся по ней, заглядывая в пустые стойла, во все углы, пытаясь понять, что делал здесь человек, скрывшийся в лесу. Конюшня была совершенно обычной, достаточно чистой, хотя почти пустой. Он не увидел никаких следов причиненного вреда или какого-либо злого умысла. Этот человек не мог унести никакой крупной вещи. Но если он не вор и не вандал, то кто он?

Занятый своими размышлениями, Алек не сразу услышал шорох шагов, но отреагировал на голос за спиной:

– Могу ли я чем-то помочь вам, сэр?

Алек медленно развернулся, настороженный тоном, каким был задан вопрос. В голосе звучало холодное презрение. Его взгляд в первую очередь упал на пистолет в поднятой руке, дуло которого было направлено прямо ему в грудь. Он уже видел направленные на него пистолеты, не раз они выстреливали, пусть не с такого близкого расстояния, и научился справляться с первым побуждением уклониться и искать укрытия. Гораздо благоразумнее подготовиться к ответному действию, как только представится такая возможность... А она наверняка представится, понял он, и перевел взгляд на лицо женщины.

Она была высокой, изящной и достаточно молодой. Ее лицо, имеющее форму сердечка, обрамляли длинные пряди каштановых волос, выбившихся из узла выше затылка. Тяжелый пистолет чуть дрожал в ее руке, но глаза – прекрасные, цвета корицы с примесью золота и янтаря – смотрели спокойно и твердо. Очень интересная особа. В Алека еще никогда не стреляла женщина.

– Возможно, – ответил он. – Я ищу сержанта Джорджа Тернера.

Она вскинула голову.

– Он живет не в конюшне. Может быть, подъезжая, вы обратили внимание на дом?

Его губы дрогнули.

– Разумеется. Но я видел человека у конюшни и подумал, что это мог быть он.

– Однако я уверена, что он предпочел бы принять вас в доме.

– Не сомневаюсь. Простите меня. Тогда я иду к дому.

Она колебалась.

– Его нет дома, в настоящее время он отсутствует.

Алеку это было известно, но он хотел знать, что скажет она.

– А когда его можно будет застать?

На этот раз она рассвирепела.

– Когда он вернется, я ему не сторож.

Алек оценивающе быстрым взглядом окинул фигуру женщины. Тернеру было за пятьдесят. На его попечении были две дочери и престарелая мать. Должно быть, перед ним была одна из его дочерей. И она все еще целилась в него из пистолета.

– Вы его жена?

– Нет, я его дочь. – Последовал щелчок – она явно раздумала стрелять. – Кто вы, черт возьми?

– Александр Хейз к вашим услугам. – Он слегка поклонился и даже не заметил, что пистолет больше не направлен на него. К черту это поручение. К черту ее глаза. – Мы соседи.

Она снова заколебалась. Посмотрела на его лошадь, привязанную у дверей конюшни, и медленно опустила руку.

– Для соседа у вас довольно странные манеры, сэр.

– Простите меня, – снова сказал Алек. – Я просто не хотел сразу беспокоить всех домашних.

Она не высказала предположения, что он мог видеть конюха или другого слугу, отметил он. Не было никаких признаков существования слуг, и тот человек тоже не был похож на парнишку, присматривающего за лошадьми. Он был похож скорее на вора.

– Прошу прощения, мисс Тернер. Я навещу вас в более подходящее время.

Он ей явно не нравился. Она поджала губы, дернула головой в недовольном кивке и посторонилась, давая ему возможность выйти. Алек слегка улыбнулся и поклонился. Ее поза и поведение дали ему не меньше информации, чем несостоявшийся разговор. Или она была чрезвычайно подозрительной и скрытной особой, или вокруг фермы уже крутились другие люди, разыскивающие ее отца. Интересно, что она сразу же наставила на него пистолет, не потрудившись сначала узнать его имя и цель визита.

Пока он шел к лошади, садился на нее и отъезжал, он чувствовал на спине ее взгляд.

Глава 3

Крессида Тернер не спускала глаз с незнакомца, пока он, свернув на главную дорогу, не исчез из виду. Затем она направилась к дому, из которого уже вышел Том.

– Что случилось? – спросил он. Волосы у него стояли дыбом, лицо пылало. – Ваша сестра сказала, что вы опрометью выскочили из дома.

Она улыбнулась:

– Ничего не случилось. У конюшни был человек, он что-то высматривал.

Том замер.

– И?

– И это все или все, что я обнаружила. Он представился нашим соседом. – Затем сердито продолжила: – Прекрасные у нас здесь соседи, все шпионят, хотят знать, насколько плохи у нас дела.

Она не на шутку разозлилась. Разве хорошие соседи шныряют по чужим конюшням? Конечно, нет, и незваный гость это прекрасно знал. Он совсем не удивился, когда взглянул на дуло ее пистолета. Она почти пожалела, что у нее не хватило мужества выстрелить – просто чтобы убрать с его лица этот спокойный, пронизывающий взгляд.

Том озабоченно нахмурился:

– Вам не следует бегать и прогонять всех, кто слоняется вокруг.

Крессида посмотрела на тяжелый пистолет в своей руке и вздохнула. От того, что она долго его сжимала, у нее занемели пальцы.

– Кто-то должен это делать. Вы были заняты, чинили забор у овец. Если хотите, в следующий раз я пошлю вас прогонять их.

Он не успокоился, но кивнул и пошел рядом с ней. Том Уэбб служил вместе с ее отцом, а теперь был их основным работником. Он опекал Крессида и ее сестру, как суетливая наседка, защищающая своих цыплят.

– Он назвал свое имя?

– Александр Хейз.

Том бросил на нее острый взгляд, а она не удержалась и оглянулась еще раз, чтобы убедиться в том, что этот человек уехал.

– Тот, который умер?

Крессида пожалела плечами. Новость о воскрешении из мертвых самого известного жителя Марстона облетела город за несколько дней. Майор Александр Хейз, младший сын одного из самых уважаемых в округе семейств, считался погибшим при Ватерлоо пять лет назад, причем все считали, что это к лучшему, поскольку, если верить слухам, он оказался предателем.

Говорили, что семья очень тяжело пережила случившееся. Старый мистер Хейз умер вскоре после того, как стало известно о предательстве сына, а этой весной, после продолжительной болезни, умер и молодой хозяин Пенфорда. Семейство жило очень уединенно, не привлекая к себе особого внимания, относились к ним неплохо и очень жалели. Возвращение майора Хейза, если это действительно был он, взволновало город сверх всякой меры. Крессида гадала, что же ему было нужно от ее отца.

– Совсем он не мертвый, – ответила она Тому. – Непохоже, чтобы его черви ели.

Странно все складывается. Получалось, что даже люди, которых считали погибшими, являются сюда и хотят нажиться на их беде. Крессида испугалась бы демонов, поднявшихся из ада, чтобы мучить ее, если бы не подозревала, что они уже овладели ею. Только бы вернулся домой отец...

Они подошли к дому. Дверь была открыта, чтобы проветрить и охладить дом. Внутри дома было так же жарко, как снаружи. Крессида знала, что жара укрощает ее, как и другие

неприятности. Она провела рукой по лбу и почувствовала, что рукав прилип к коже. Как она жалела, что они перебрались сюда. Если бы они по-прежнему жили в Портсмуте, можно было бы с наступлением темноты спуститься к морю и поплавать. Как ей не хватало Портсмута...

– Джордж? Джордж, милый, это ты?

Крессида остановилась, посмотрела на Тома. Голос бабушки прозвучал звонко и радостно, как если бы она действительно верила, что отец только что вошел в дом. Том, сразу помрачневший, открыл было рот, но она прижала палец к его губам и передала ему пистолет. Убрав выбившуюся прядь волос за ухо, она расправила плечи и спокойно вошла в гостиную, словно ей не пришлось только что схватиться с незнакомцем, рассматривавшим ее лошадей – скорее всего впоследствии он собирался купить их на аукционе.

– Нет, бабушка, это я, – сказала она, возвращаясь на свое место.

Они пили чай, когда она услышала топот копыт. Она пробормотала извинение и выбежала из дома, а бабушка, начавшая терять слух, не слышала приближения всадника. Ее старшая сестра, Калли, бросила на нее вопросительный взгляд, но Крессида только улыбнулась.

– Я была уверена, что это ваш отец, – недовольно сказала бабушка, продолжая смотреть на дверной проем. – Ты ступаешь совсем как он, дорогая. Пора уже, он может вернуться со дня на день.

Крессида взяла чашку. Они ждали его возвращения уже четыре месяца. Он и раньше, случалось, пропадал, вернее, уезжал, не сказав, куда и когда вернется, но они всегда знали об этом заранее. Отец мог подмигнуть и потрепать ее по щеке, сказать, что должен отлучиться и вернется «не очень скоро». «Не очень скоро» продолжалось от двух недель до трех месяцев, но он всегда возвращался до того, как у них кончались деньги. Отец словно знал, когда у них кончались деньги. Но на сей раз им грозил полный крах, а от отца ни слуху ни духу.

– Я уверена, что он скоро будет дома, – сказала Крессида, чтобы успокоить старушку.

– Конечно, – согласилась бабушка, отставила свою чашку и повернулась к окну, которое выходило на дорогу. – Он может вернуться в любой момент.

Хорошо бы, подумала Крессида, уставившись в свой чай, совсем остывший, в дорогих новых чашках, купленных отцом перед их отъездом в Марстон. Иначе они пропадут.

Когда, выпив чаю, старушка задремала в своем кресле, внучки убрали все со стола и прошли на кухню.

– Что-то не так? – спросила Калли, ставя на стол поднос с грязной посудой. Крессида повязала фартук. Отец нанял кухарку и двух служанок, но теперь их уже не было. Хорошо, что Крессида и ее сестра привыкли обходиться без служанок. – Ты вскочила, выбежала из дома, и тебя не было минут пятнадцать. Бабушка заволновалась.

– Вот как? – Крессида вылила из чайника остатки заварки. – Что она сказала?

Калли вздохнула:

– Она решила, что подъехал отец и ты побежала его встречать. Она была уверена, что он вот-вот появится в дверях.

– Если бы... – пробормотала она. – Но я уже начинаю думать...

Ее сестра притихла.

– Думать что?

– Сомневаться, – призналась Крессида. Она взяла чашку и начала ее мыть. – Он никогда не пропадал так надолго, если не был на войне. Но в этом случае мы хоть знали, где он.

Калли закусил губу, но ничего не сказала.

– Я услышала топот копыт рядом с домом, – сказала Крессида. – Подумала, что это очередной кредитор, и вышла взглянуть. Возле конюшни ходил человек, и я решила, что он хочет забрать лошадей.

– Крессида, тебе не следует выходить из дома одной! Ты могла бы послать мистера Уэбба...

– Он чинил забор, и не было времени сходить за ним. Если овцы разбегутся, станет еще хуже. Не волнуйся так, – добавила она, глядя на испуганное лицо сестры. – Я на всякий случай взяла папин пистолет.

Калли охнула:

– Ты целилась в него из пистолета?

Крессида покраснела.

– Я не стреляла, если ты этого боишься. Даже бабушка услышала бы выстрел.

Дверь со скрипом открылась, вошел Том. При виде Калли он остановился и торопливо поклонился.

– Мистер Уэбб, моя сестра говорит, что у нас тут был чужой человек, интересовавшийся лошадьми, – сказала Калли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.